На протяжении четырнадцати лет крупные исполнители и музыкальные деятели своим искусством, опытом и вниманием поддерживают «Краснодарскую камерату». Мастер-классы А.З. Бондурянского, В.И. Вороны, Кейо Ахо и других членов жюри, открытые уроки, беседы и круглые столы делают этот праздник ансамблевого искусства бесценным и неповторимым, как неповторимо само исполнительское искусство.

Краснодарский государственный институт культуры мудрой и последовательной работой по сохранению лучших отечественных культурных традиций способствует духовному воспитанию молодого поколения. Игра в ансамбле для юных музыкантов – это мощный стимул профессионального и личностного роста, она дает опыт взаимопонимания, общности и любви и может служить моделью человеческого общения, что так ценно в современном мире.

УДК 728.03

Н. А. ГАНГУР, Л. А. ЖДАНОВА

КУБАНСКИЙ СЛЕД БАРОНОВ ФОН ШТЕЙНГЕЛЬ: ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО ИМЕНИЯ «ХУТОРОК»[1]

В статье рассматриваются основные этапы формирования усадебного комплекса и художественные особенности архитектурного наследия одного из самых крупных дворянских имений на Кубани в исторической ретроспективе.
Ключевые слова: усадебная архитектура Кубани, дворянская усадьба, садово-парковое искусство, модерн, «неорусский стиль», «кирпичный стиль».

UDK 728.03

N. A. GANGUR, L. A. ZHDANOVA

HERITAGE OF BARONS VON STEINHEIL IN KUBAN REGION: PAST AND PRESENT OF THE LANDED ESTATE NAMED «KHUTOROK»

The article is devoted to the main stages of estate complex formation and artistic features of the architectural heritage of one of the largest noble estates of the Kuban region in the historical perspective.
Keywords: Kuban farmstead architecture, manor of the nobility, garden and park art, Art Nouveau, «neo-Russian style», «brick style».

Имение «Хуторок», как и имена их владельцев, крупных предпринимателей баронов фон Штейнгель, известно не только за пределами Кубани, но и России. Многочисленные награды на всевозможных международных и российских выставках – 6 золотых, 15 серебряных и 11 бронзовых медалей, не считая почтенных дипломов, – лучшее тому подтверждение [1, с. 183]. Владельцы имения и сами делали целенаправленные шаги в этом направлении, популяризируя свой передовой опыт и достижения не только на выставках, но и в печати. Так, для Всемирной выставки в Париже (1900) агроном П. Н. Котов по поручению барона В.Р. Штейнгеля составил «Описание» кубанского имения. Этот своеобразный «путеводитель» к выставочным экспонатам (как и его французский перевод) был издан «Товариществом скоропечатни А.А. Левенсон» [2]. Иллюстрации, вошедшие в оба издания, сделаны со снимков одного из известных и титулованных польских фотографов В.В. Высоцкого, державшего собственное фотоателье в Киеве. Сами снимки выполнены не позднее 1894 года, и их печатная версия представляет несомненный интерес для нашего исследования. В предисловии к «Описанию» П.Н. Котов ссылается на более ранние издания (1895, 1896), которые были положены в основу новой редакции [3, с. 183]. Многоотраслевая сфера деятельности баронов фон Штейнгель, создавших на приобретенных и арендованных землях мощный агропромышленный комплекс, с разной степенью полноты (в зависимости от выбранного ракурса исследования) освещена в работах кубанских историков (В.Н. Ратушняк, О.А. Леусян, Е.М. Багаева, К.С. Чикаева и др.).

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-34-01028.

Для нас важен другой аспект проблемы. В начале 1990-х заметно активизировался процесс накопления фактического материала по истории отдельных усадеб в разных регионах страны, сопровождавшийся выработкой общих подходов к вопросам типологии усадеб, выявлением этапов эволюции усадебной культуры [4, с. 123]. На материале нашего региона эта тема по-прежнему остается слабо разработанной. Для ее комплексного изучения необходим не только междисциплинарный подход, но и анализ всей совокупности источников. Данная статья написана на основе неопубликованных документов, выявленных в фондах Государственного архива Краснодарского края, материалов местной периодической печати, фотоисточников и результатов собственных наблюдений во время экспедиционного выезда в Новокубанский район в августе 2015 года.

Прежде чем перейти к непосредственной цели нашего исследования – изучению и реконструкции памятников усадебной архитектуры, их художественных особенностей, необходимо хотя бы пунктиром обозначить основные вехи биографии главных персонажей.

Родоначальник династии крупных предпринимателей Рудольф Васильевич Штейнгель родился в Ревеле в семье эстляндского дворянина, отставного гвардии подпоручика барона Василия фон Штейнгеля. После окончания Института инженеров путей сообщения (1861) он был назначен в Московский округ путей сообщения. Когда барону представился счастливый случай – концессия на постройку Ростово-Владикавказской железной дороги, он не преминул воспользоваться «выигрышным билетом», имея за плечами немалый опыт строительства железных дорог. Барон организовал акционерное общество (став не только одним из его учредителей, но и директором), которому были отданы постройка Новороссийской ветви и устройство коммерческого порта в Новороссийске. Основным местом его проживания стал г. Киев (с 1877 года здесь обосновался род баронов фон Штейнгель), где он имел не только усадьбу на Бульварно-Кудрявской, но и несколько домов, а также держал винную лавку [5, с. 304–306]. В 1881–1882 годах Р. В. Штейнгель покупает на Кубани, недалеко от Армавира, два участка земли площадью более 9 тыс. гектаров, строит большой винокуренный завод и начинает активно развивать полевое хозяйство, скотоводство, животноводство, виноградарство.

Оставаясь на постоянном месте жительства в Киеве, барон тем не менее часто наведывается в центральную усадьбу «Хуторок» (по имени которой и названо все имение), где ведется строительство главного дома, служебных и хозяйственных построек, формируется садово-парковая зона. За сравнительно короткий период имение разрастается, в нем появляются отделения – Марьинский, Сергиевский, Ивановский и Федоровский хутора, поселок на 50 домов и две конторы по управлению арендными участками. Создается обширный многоотраслевой комплекс с развитой инфраструктурой: гостиница, школа, больница со службами, баня, водопровод, грунтовые дороги, железнодорожная ветка при станции «Кубанская» Владикавказской железной дороги, телефонная связь, электричество и многое другое.

В 1897 году по раздельному акту имение барона Рудольфа Штейнгеля перешло одному из его сыновей, 26-летнему Владимиру Рудольфовичу, который с еще большей энергией и энтузиазмом продолжил дело отца. По описи, составленной в 1920 году, в советском имении «Хуторок» при станции Кубанской, насчитывалось 383 различных по своим функциям и назначению зданий и сооружений, одно перечисление которых занимает несколько листов [6, л. 55–67].

Прочно обосновавшись в «Хуторке», В.Р. Штейнгель занялся перестройкой центральной усадьбы, преимущественно ее главного дома, построенного его отцом во второй половине 1880-х. Архитектура здания представляла собой характерный образец «кирпичного стиля», развивавшегося в границах периода Историзма и эклектики второй половины XIX века, и, конечно же, не могла соответствовать престижным интенциям В.Р. Штейнгеля. Фасады многоэтажного здания (двух- и трехэтажного) завершаются щипцами и не изобилуют декором. Небольшие прямоугольные окна с двустворчатыми ставнями (жалюзи), балкон на уровне третьего этажа (передний фасад) оживляли плоскость стены. Украшением бокового фасада трехэтажного корпуса служила деревянная терраса-галерея на «аркадах» с резным парапетом, поднятая на уровень второго этажа и почти полностью скрытая под плотным зеленым покровом вьющихся растений. Терраса служила своего рода бельведером – сквозь узкие ажурные прорези листвы открывался красивый вид на парк [2, с. 41].

Строительство нового здания (точнее его перестройка) так называемого дворца, лишь в общих чертах сохранявшего композиционную идею старого дома, началось в 1910-х (1911–1913 гг.) по проекту архитектора московского модерна, одного из приверженцев «неорусского стиля» Ильи Евграфовича Бондаренко.

В историю русского искусства И.Е. Бондаренко вошел в основном своими культовыми сооружениями, возведенными для старообрядцев, и выполненным совместно с К.А. Коровиным проектом павильона кустарного отдела «Русской деревни» на Всемирной выставке в Париже 1900 года [7, с. 27; 8, с. 301–302; 9, с. 310]. Однако архитектурная деятельность Бондаренко не ограничивалась только сферой храмового зодчества, хотя последняя и стала основной в его творчестве. Он проектировал промышленные, торговые и деловые здания, общественные сооружения и интерьеры, особняки и загородные дома (Москва, Подмосковье, Иваново, Кубанская обл.) [10, с. 31]. Е.И. Кириченко не без основания называет его крупным и оригинальным мастером, воплотившим в своем творчестве наиболее яркие особенности московской школы, хотя и сам архитектор признавал «московский дух» своих сооружений. Долгие годы Бондаренко был помощником Ф.О. Шехтеля в Московском архитектурном обществе; примыкал к Мамонтовскому кружку (по его проектам и под его руководством отстраивается владение С.И. Мамонтова «Абрамцево»; сотрудничал с Гончарным заводом «Абрамцево», 1898–1900) [11, с. 215, 404; 12, с. 303].

Идеалом и источником вдохновения для Бондаренко стала древнерусская архитектура Новгорода и Пскова, шатровые постройки XVI – XVII веков, но воспринятые не в русле господствовавшего в середине XIX столетия историзма и археологизма, а в романтическом, лирическом ключе. Проектируя свои постройки в «неорусском стиле», он по-новому осмысливает и интерпретирует древнерусские прототипы, широко использует цвет, черепицу для покрытия кровель, керамические панно, шатровые и бочкообразные формы, луковичные главки, некоторые элементы декора (ширинки). Другим источником вдохновения для мастера стали творческие эксперименты абрамцевского кружка, представлявшие собой интерпретацию в духе модерна русских народных мотивов. В 1900-х для строящихся по его проектам храмов и часовен на мамонтовском керамическом предприятии «Абрамцево» в Москве выполняются эскизы керамических панно и различных элементов декора. Е.И. Кириченко отмечает особенную экспрессию его архитектурных, прежде всего храмовых сооружений, достигаемую за счет используемых приемов – «сопоставления фактурно-цветовых контрастов, ритмики форм, плоскостей, по-разному окрашенных и обработанных поверхностей, крупных объемов и форм малой архитектуры» [9, с. 314 –315].

Дореволюционные видовые открытки и фотографии, выполненные в различные темпоральные периоды советской истории «Хуторка», позволяют составить общее представление об объемно-пространственной структуре и архитектурной декорации дворца. Архитектура нового усадебного дома, спроектированного И. Е. Бондаренко, отражает характерные приметы модернизации и стилизации, свойственные культуре модерна. Кирпичная кладка двух нижних этажей и деревянная конструкция третьего этажа скрыты под мраморной штукатуркой («оштукатурены мрамором»), белизну которой оттеняет черепичная кровля, майоликовые панно и мозаичные вставки. Асимметричная композиция, игра масштабов, гиперболизация отдельных форм, стилизация криволинейных очертаний, контраст больших масс и мелких элементов придают зданию «модерновость». Однако при «круговом обходе» меняется архитектурная декорация. Боковая двухэтажная пристройка (северо-восточный фасад) с зимним садом решена в приемах «модернизированной» классики: волнообразно изогнутая лестница, огибающая массивный балкон-крыльцо; круглая скульптура (*alaantique*), установленная на пьедестале у «ложной» арочной ниши; полуциркульные завершения больших окон второго этажа, арочные пролеты, маскарон (фонтан) и даже бандероли с венком и гирляндами.

На плоской крыше устроена терраса с большим «полосатым» зонтом посредине, огражденная с трех сторон парапетными тумбами и металлической решеткой, сквозь прутья которой видны (на открытке) стебли ампельных растений. Прямо с террасы открывался прекрасный вид на сад со шпалерами, скамейками, садовой плетеной мебелью и парк с фонта-

ном, сбоку – на башенный многогранный эркер заднего фасада, «висящий» на уровне третьего этажа над прямоугольным в плане выступом. Конусообразный шатер эркера, покрытый черепицей (похожей на лемех), венчал шлемовидный купол на круглом барабане, декорированном овальными медальонами. Обращают на себя внимание светлые, в тон «мрамора», оконные, или фасадные, маркизы (наружные шторы), с наклонным козырьком и рюшами по краям с темной окантовкой. Маркизы оформляли не только эркерные окна будуара, но и другие окна юго-восточного фасада (кроме балконов), придавая экстерьеру «модерновую» элегантность, стильность и европейский «дух», акцентируя высокий статус и респектабельность владельца дворца [13, с. 87].

Однако романтический дух «театральной» декорации заднего фасада сменяет строго официальная, торжественная «тональность» главного, северо-западного фасада дворца. Входное крыльцо с широким арочным пролетом и одной мощной угловой колонной «совмещено» с балконом, примыкающим к выступающей части здания. На балконном ограждении в штукатурке выполнен рельеф, по абрису похожий на баронский герб (корона, единороги), а на углу, со стороны колонны – скульптурное изображение «орла» с поднятыми крыльями (изображение двух орлиных крыльев входило в геральдическую композицию герба) [6, с. 280].

Вместо воздушных маркиз над прямоугольными окнами первого и второго этажей правого «крыла» сделаны керамические вставки из нескольких рядов темных плиток, визуально удлиняющие пропорции оконных проемов. Прямоугольный выступ здания (на заднем фасаде его венчает башенный эркер) завершается высоким готическим щипцом с «переломом», в тимпане которого в 1920-е появился «палимпсест» с изображением вождя победившего пролетариата. Многогранный оконный эркер, расположенный на уровне первого этажа, венчал широкий карниз и изогнутую «чешуйчатую» черепичную кровлю. Высокая крыша здания, крытая черепицей, приобретает «разорванный» абрис из-за большого количества скатов (щипцов) различных размеров и расположенных под разными углами люкарн, имеющих собственное обрамление и объем [13, с. 86, 93]. Все эти средневековые реминисценции имели своим источником не древнерусские прототипы, а средневековую архитектуру стран Северной Европы. Отзвуки стиля «хайматкунст», как и модернизированная классика, свидетельствовали «о сохранявшем свои позиции фрагментарном иконографическом подходе», «аппликативном соединении различных архитектурных тем» [8, с. 302].

Первый и третий этажи дворца имели одинаковое число комнат – 10, второй этаж – 6 комнат, коридор и зимний сад. На первом этаже располагались парадные помещения – две передних и коридор, каждый этаж также включал ванную и клозет [6, л. 55]. Полы в дворцовых комнатах были набраны из деревянных планок в технике «паркетри». Несмотря на значительное число помещений во дворце, в большинстве своем они были невелики по размерам. Именно это обстоятельство и отмечено в докладе комиссии, обследовавшей в 1920 году частновладельческие хозяйства в Лабинском отделе Кубано-Черноморской области: «…имеющийся в имении так называемый дворец менее всего приспособлен под среднюю специальную [сельскохозяйственную] школу: в нем больше маленьких комнат и мало вместительных, годных для классов или кабинетов» [6, л. 73 об]. «Мраморный» дворец не сохранился до нашего времени. В военные годы в нем располагалась немецкая комендатура. Бомбардировки нанесли серьезный урон зданию, остававшемуся в полуразрушенном состоянии до начала 1970-х (сейчас на его месте здание поликлиники).

Судьба других усадебных строений оказалась различной, некоторые из них сохранились, хотя и в «обновленном» виде, другие разрушены в разное время, третьи – «облицованы» рекламными щитами, «осовременившими» и одновременно до неузнаваемости изменившими их внешний вид.

Кухня находилась отдельно во дворе, в кирпичном здании, разделенном на четыре отделения и кладовую, под железной крышей. Полы в кухне выложены облицовочной «метлахской плиткой». Производство такой плитки было налажено в конце XIX века на керамической фабрике, разместившейся в зданиях бывшего аббатства Метлах (Юго-Западная Германия), а в начале XX и на заводе огнеупорных изделий М.А. Ковалевского (Екатеринославская губ.). Из такой износостойкой плитки, разнообразной по рисунку (пальметты, плетенки,

восьмиугольные звезды, ромбы, клеверообразные кресты и т.д.) и цвету выстилали «ковры» на лестничных площадках общественных и частных жилых сооружений.

На территории усадьбы находился еще один кирпичный, под железной крышей двухэтажный дом. На первом этаже размещались в основном служебные помещения – кухня, комната и гараж. Барон владел двумя автомобилями иностранного производства: французской фирмы Delaunay-Belleville («Делонэ-Бельвиль») и американской Rambler. Французская фирма с середины 1900-х годов наладила выпуск дорогих элитных моделей высокого качества, но кузова («кароссери») изготавливались по индивидуальному заказу в специализированных кузовных ателье /каретных мастерских.

Среди августейших особ этой фирмы значился последний русский император. В его гараже находилось четыре автомобиля марки этой фирмы, причем первый – трипль-фаэтон появился в царском гараже в 1906 году. Две роскошные модели – ландоле и лимузин были изготовлены специально для Николая II. Они предназначались в основном для официальных мероприятий и не так часто использовались для выездов императорской семьи, чего нельзя сказать об автомобиле барона. В акте специальной реквизиционной комиссии (1916 г.) автомобиль «Делойне-Бельвиль № 648 40х60 Барона Штейнгеля не принят по низкоходности, сильной изношенности ответственных частей и как выслуживший свой срок около 10 лет» [14, л. 2]. Судя по всему, барон приобрел «Делонэ» примерно в 1906–1907 годах. Другой автомобиль «Рамблер Американская – без № 40 Н.Р., его же, не принят за непригодностью зажигания, карбурации и ненадежности конструкции» [14, л. 2]. Гараж барона должен был быть довольно вместительным, так как французская модель отличалась внушительными размерами. Второй этаж названного дома включал шесть комнат и коридор. Во всех трех зданиях – дворце, доме и кухне имелись водопровод и электрическое освещение.

Состав служебных строений, находившихся на территории двора, был типичен для дворянских усадеб: каретник, прачечная и комната для прислуги, кладовая, ледник с погребом, сарай, летняя кухня и т.п. Прачечная и квартира прислуги размещались в двухэтажном кирпичном, крытом железом доме: на первом этаже – прачечная и две комнаты с асфальтовыми полами и две комнаты для прачек с деревянными полами. Второй этаж включал две комнаты и чердак для сушки белья. Каретник (с чердаком) также построен из кирпича, с деревянными полами и железной кровлей. Кладовая, состоявшая из трех отделений (в одном – цементные полы), возведена из самана, на кирпичном фундаменте, под черепичной крышей. «Ледник и погреб кирпичный, крыт сводами из кирпича и сверху зацементирован. Над ледником устроена фахверковая кладовая» [6, л. 55 об]. Фахверк, использовавшийся в жилых и хозяйственных постройках, типичен для старинных городов Германии и других стран Северной и Центральной Европы.

Среди других строений центральной усадьбы в описи отмечаются: дощатый детский однокомнатный домик; деревянный сарай для топлива; летняя кухня – с цементными полами и со стенами, обнесенными проволочной сеткой; кирпичный ретирад на два отделения; «бельевка» на деревянных колоннах, с полом из «цементных плиток». Детский домик, сарай и «бельевка» имели железную кровлю, а ретирад и летняя кухня – черепичную. По-видимому, в парковой зоне за домом была оборудована для игры в лаун-теннис специальная цементная площадка с ограждением из проволочной сетки высотою в 4 аршина. Эта игра была очень популярна среди аристократии, ее пропагандировали и на страницах петербургского «журнала красивой жизни» [15].

На территории усадьбы находился одноэтажный Г-образной планировки флигель с открытой террасой, построенный из кирпича и дерева, обложенного кирпичом; крыша была частью железная, как и у террасы, частью черепичная. Во флигеле имелось девять комнат, передняя, две буфетных, ванная, клозет, кухня, кладовая и погреб под ней. Отдельно во дворе размещались сарайчики из саманного кирпича и дерева, под черепичной крышей, разделенные на четыре отделения; кирпичный ледник, крытый «железобетонными сводами» [6, л. 55 об]. Позднейшие пристройки к флигелю были, по-видимому, сделаны уже при В. Р. Штейнгеле. Возможно, И. Е. Бондаренко принял участие в формировании нового архитектурного облика здания, что и обусловило его своеобразную планировку и «смешанную» технику. Архитектор,

работавший в содружестве с одним из наиболее крупных представителей русской инженерной школы XX века А.Ф. Лолейтом, довольно часто применял в своих сооружениях железобетонные конструкции [9, с. 318].

Знаменитый «бароновский» парк, расположенный за домом, пережил периоды расцвета и упадка, «ренессанса» в послевоенные годы, постепенного забвения и запустения в новом постсоветском пространстве. Старожилы ностальгически вспоминают об этом «посюстороннем парадизе»: цветниках, широких аллеях и аккуратных дорожках, кирпичных тумбах с цветами, розарии с «красиво оформленными питьевыми фонтанчиками», «беседке любви» из вечнозеленого плюща, «пламенеющем» сердцем из роз в обрамлении «боскетов» бузины и многом другом. Каменное сердце парка – фонтан, сухо и прозаически названный в архивном документе «резервуаром из бетона». Он появился еще при Рудольфе Штейнгеле, тогда же был распланирован и парк. Крупноплановое изображение этого фонтана со сложным профилем чаши (парафраз античной базы) представлено на видовой открытке, запечатлевшей в отдалении «мраморный» дворец. В центре чаши возвышалась небольшая скала, искусственно созданная из неотесанных каменных глыб («сельский стиль»), в расщелинах и на выступах которых размещались горшки с цветами, похожими на каллы с их белыми воронкообразными покрывалами. Вокруг бассейна на равном удалении друг от друга стояли мраморные скамейки.

С этим фонтаном у жителей «Хуторка» связаны не менее яркие воспоминания. В зимнее время бассейн осушали, а весной из «золотого петушка», возвышавшегося в центре чаши, многоструйно, водопадами лилась вода, поступавшая из водонапорной башни, находившейся рядом на кургане. Фонтан этот пришел в запустение, основание и стены резервуара разрушались, и накануне нашего приезда его совсем разобрали.

Судя по дореволюционным открыткам и фотографиям 1940–1950-х годов, парк был основан на началах симметрии, регулярности («регулярный стиль»), с геометрически распланированными дорожками, цветниками, лучевой планировкой аллей. Как правило, французский «регулярный» и «английский» пейзажный стили сочетались. Правда, в центре *rond-point* (круглая площадка) в 1950-е появился величественный памятник «человеку с усами», который с высокого пьедестала созерцал эту рукотворную красоту, цветочный рай. Сквозь сосновые и дубовые кроны проступали открытые участки лужаек, засеянных травой. Здесь были сиреневая и каштановая аллея, как и в усадебном парке соседа барона – землевладельца З.Ф. Щербака. Пышные соцветия сирени, белые, лиловые, розоватые и красноватые, – излюбленный мотив в живописи русских художников «серебряного века», к нему обращались и французские импрессионисты. Сиреневую симфонию, или, по выражению О. Мандельштама, «глубокий обморок сирени», запечатлел в своих этюдах К. Моне. Не менее эффектно выглядели во время цветения и раскидистые кроны конского каштана (эскулус), густо усеянные прямостоячими пирамидальными белыми соцветиями – кистями (тирсы).

Сейчас в самый разгар знойного и душного лета мы, конечно же, не увидели ни соцветий сирени, ни каштановых тирс, как, впрочем, и «регулярного стиля». Широкие аллеи, как и кусты сирени, сохранились, но качества живописности формы свободной планировки, заложенные в парке изначально, с течением времени проступили все рельефнее, сгущаясь по мере удаления вглубь, где парк переходил в лес, носящий в садово-парковом искусстве поэтическое название Сильвия. Одна из аллей подвела нас к мостику, перекинутому через дренажную канаву, заполненную водой. Стилизация под «дикую природу» характерна для парков «пейзажного стиля». Возможно, когда-то здесь были и парковые павильоны, деревянные беседки, как в усадьбе З.Ф. Щербака. Но что доподлинно известно и что составляло неотъемлемую часть старинных усадебных парков – это оранжерея. В данном случае это было кирпичное здание с двумя отделениями, под стеклянной крышей; при ней находились однокомнатная квартира, кухня и кладовая [6, л. 61]. Старожилы вспоминают огромные окна оранжереи и два камина, которыми отапливались помещения.

По свидетельству биографа А.И. Солженицына, в усадьбе его деда З.Ф. Щербака тоже разбили парк с аллеями, «завели оранжереи с олеандрами и пальмами, выкопали пруд с купальней, соорудили беседки, засеяли газоны на английский манер» [16, с. 30, 31]. В городс-

ком саду Екатеринодара в 1906 году завершилась постройка оранжереи, в которую были перенесены все тропические растения. Оранжерея «как по внешности, так и по внутреннему устройству представляла некоторое украшение сада» [17, с. 3].

Местом отдыха барона, его семьи и гостей был не только парк с фонтаном, уютными дорожками, газонами, цветниками, тенистыми аллеями, но и пруд с небольшим островом посредине. К водоему ведет широкая дорога (ул. Заводская), вдоль которой слева, немного не доходя до пруда, протянулась кирпичная заводская стена под черепичной кровлей, с «вклинившимся» в нее заглубленным центральным фасадом парадного здания бывшего винокуренного завода (спиртзавод).

Здание построено из кирпича, облицовано декоративной белой штукатуркой, имитирующей квадровую кладку. Декорация фасада выполнена в «классическом стиле». Здание имеет цоколь, образованный двумя одинаковыми выступающими на плоскости фасада профилированными карнизами. Нижний зрительно отделяет плоскость фасада от фундамента, верхний, кроме своего прямого назначения, служит основанием для оконных наличников (сандрик). Вход в здание внизу отмечают низкие ступени с широкой площадкой, а вверху – треугольный профилированный фронтон.

Симметрично по обеим сторонам от центрального входа с венчающим его полуциркульным световым окном расположены четыре высоких арочных и два прямоугольных окна. Как и вход, первые имеют обрамление в виде пилястр с каннелюрами, несущих полуциркульные арки с архивольтами и замковым камнем; широкие прямоугольные окна – только пилястры и венчающий карниз. Портальная композиция входа акцентирована дополнительными декоративными элементами – крупными розетками на «метопах» облегченного антаблемента.

Другой декоративный мотив – рельефный ионический орнамент, расположенный под карнизом здания и под наклонными гейсонами венчающего фронтона, в центре декорированного крупным медальоном. Сейчас центральный вход закрыт, возле него разрослись высокие травянистые растения, разрушились ступени. Поверхность примыкающей к зданию заводской стены на всем ее протяжении равномерно оживляют широкие лопатки, вверху – несколько рядов кирпичных тяг ложковой кладки и два ряда «сухариков» (дентикулы).

В самый разгар знойного дня мы с гидом (главный хранитель Новокубансокго музея Г.М. Чмелева) спустились к «дремлющему пруду», посреди которого раскинулся остров. Во времена барона Рудольфа Штейнгеля он соединялся с противоположным берегом длинным пешеходным мостиком, облегченная конструкция которого была не лишена изящества [2, с. 39]. В 1946 году в местной газете появилась любопытная заметка под заголовком «Пруд», автор которой писал: «В пищепромкомбинате им. Сталина имеется замечательный пруд. Прозрачная вода, живописный островок с перекинутым через него красивым мостиком, прохлада в тени густых деревьев привлекали сюда по выходным дням не только трудящихся совхоза, но и сотни жителей Покровки, Кубанки и других населенных пунктов. Здесь по вечерам играл духовой оркестр, плясала молодежь, демонстрировалось кино, устраивались вечера самодеятельности, пруд был полон купающихся, работал ресторан. Это было до войны и даже во время войны в 1943–1944 годах. Сейчас пруд в запущенном состоянии. Мостик на островок растащен на топливо, в пруду моют ведра, кадушки, запачканные бардой, стирают белье». Далее автор задается риторическим вопросом и сам же отвечает на него: соответствующим организациям пора «навести прежний порядок на пруду, превратить снова его в культурное место для отдыха трудящихся» [18, с. 2].

Сейчас пруд является местом отдыха жителей поселка, здесь устроен пляж, восстановлен деревянный мостик, на острове работает кафе. Нельзя не разделить восхищение авторов статьи относительно живописного вида этого места. В безмятежной глади воды отражаются серебристые ивы со свисающими густыми «плакучими» ветвями, деревянная свайная беседка, обезлюдевшая в полуденный зной. В густой тени плакучих ив спрятался причал, во времена барона имевший входную металлическую арку и специальный спуск к воде. На пруду гости усадьбы катались в лодках, выходили прогуляться, уединиться на островок, своеобразная идиллия в жанре «пейзан».

Воспользовавшись случаем, мы осмотрели территорию ООО «Хуторок-2» по ул. Заводской 22, бывший винокуренный завод барона В. Р. Штейнгеля, основанный в 1883 году. Огромная территория завода показалась нам пустынной и заброшенной, словно здесь остановилось не только производство, но и сама жизнь. Старые здания исторически соседствовали с послевоенными постройками. По описи 1920 года винокуренный завод включал: «здание кирпичное, двух- и трехэтажное, крыто железом и черепицей». При заводе имелись кирпичная казарма, саманный ледник, четыре деревянных амбара для зерна, кирпичный колодец, абиссинский, и бассейн для запаса воды; погреб для склада извести; фабричная кладовая; навес на деревянных столбах, все постройки имели железную кровлю [6, л. 63– 64].

В годы войны завод был разрушен, принятый пятилетний план предусматривал его реконструкцию и увеличение мощности по сравнению с 1945 годом в три с лишним раза [19, с. 2]. Характер кирпичной кладки, отсутствие декоративных элементов выдают позднейшие «напластования» (1974, 1979).

Производственные здания представляют собой комплекс соподчиненных разномасштабных объемов (старых и новых), каждый из которых имеет собственную кровлю, включая и чердачные помещения, в миниатюре повторяющие передний фасад. Все вместе они создают прерывистый, но довольно динамичный ритм. В целом архитектурный облик заводских объектов вызывает аллюзии со средневековой европейской архитектурой. Впечатление это перцептивно усиливают и фиолетово-красноватый цвет кирпичной кладки, и композиционные и декоративные элементы фасадов. Не вдаваясь в подробное описание каждого здания, отметим наиболее характерные приемы: щипцы, акцентация кирпичной кладкой угловых столбов-устоев (своеобразные контрфорсы), членение стены лизенами (лопатками), прясла которой прорезают узкие, вытянутые по вертикали оконные проемы, пояс из машикулей (без аркатуры) под карнизом, похожий на «городчатый» орнамент. Но главным элементом архитектурной декорации становится окно – разной формы, размеров (круглое, «слепое», полуциркульное). Огромное окно с полуциркульным завершением, обрамленным аркой из клинчатых кирпичей с «запирающим» ее замковым камнем, имеет мелкую квадратную, а люнет – лучевую расстекловку. Тема с вариациями находит продолжение в небольших окнах, с дугообразным завершением, обрамленным вверху таким же «клинчатым» наличником. Этот мотив своеобразно преломляется в декорации фасадов небольших двухэтажных кирпичных жилых построек (бывшие квартиры рабочих, служащих), «разбросанных» на территории поселка.

На территории бывшего имения сохранились и другие постройки, правда, одним повезло больше, другим меньше. Заметно «облагородили» и двухэтажное здание по ул. Карла Маркса, 53, в котором разместились офисы и городская аптека. И только великолепный чугунный надкрылечный зонт на двух изящных колонках, с богато орнаментированным фронтоном (в тимпане медальон с ажурной «вязью» и пышные растительные побеги в стиле Ренессанс), характерным для городских особняков, выдает приметы недавней старины.

Зданию бывшей главной конторы (ул. Карла Маркса, 53) удалось сохранить свой неоклассический экстерьер – белые полуколонны, полуциркульные окна с «архивольтами» и замковым камнем, «рустованные» лопатки. В описи фигурирует кирпичное здание, одноэтажное, крытое черепицей, с деревянными полами (паркетными в зале), имеющее семь комнат, кладовую, две передних, клозет и террасу [6, л. 60 об]. В полуротонде, пристроенной с торца к прямоугольному в плане зданию, был устроен зал, освещаемый попарно расположенными между полуколоннами арочными окнами. Сейчас в этом здании находится правление ЗАО «Коллективное сельскохозяйственное предприятие «Хуторок», генеральным директором которого является Ф.И. Булдыжов, депутат Законодательного Собрания Краснодарского края.

Во время экспедиционного выезда мы осмотрели основные, но, безусловно, не все памятники архитектурного наследия имения баронов фон Штейнгель. Собранный изобразительный материал (открытки, фотографии), как и выявленные архивные документы, помогли в основных чертах реконструировать «разорванные звенья» архитектурного ансамбля баронов фон Штейнгель. Усадебный комплекс в целом, как и другие постройки (жилые, промышленные) в огромном имении баронов, созданные в конце XIX века, представляли собой типичный образец архитектуры «кирпичного стиля» (эклектика). В 1910-е годы В.Р. Штейнгель

кардинально перестраивает усадебный дом, новый проект которого был выполнен архитектором московского модерна И.Е. Бондаренко, известного своими работами в «неорусском стиле». Однако мастер сообщает архитектуре дворца не столько «неорусский», сколько «европейский дух» с характерными приметами модернизации, что было согласовано с самим заказчиком. В это же время перестройке или облицовке (оштукатуриванию) подверглись и некоторые другие здания в имении, архитектурная декорация которых отсылает к классическому «стилю», глубоким знатоком которого был И.Е. Бондаренко. Дальнейшие исследования, выявление и изучение сохранившихся и утраченных памятников историко-культурного наследия, возможно, прольют свет на многие малоизвестные факты из истории кубанского имения баронов фон Штейнгель, откроют известные и малоизвестные имена его создателей – архитекторов, художников, декораторов.

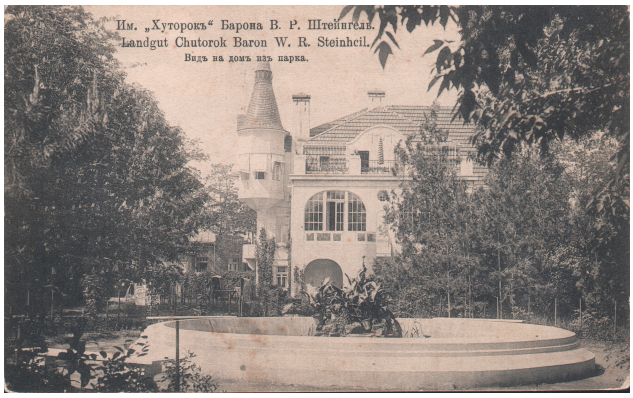
Литература

1. *Ратушняк В.Н.* Кубанский Хуторок // Ратушняк В.Н. Актуальные вопросы истории и историографии Северного Кавказа: Сб. ст. Краснодар, 2000.
2. *Котов П.Н.* Описание кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгель. М., 1900; [*Kotoff P.*Domaine de Khoutorok appartenant au baron W. R. Steingel: Caucase – province du Kouban. Moscou: Societe A.A. Lewenson, 1900].
3. *Лещенко И.В.* Имение «Хуторок» барона Р. В. Штейнгеля в Кубанской области // Труды Императорского Московского общества сельского хозяйства. Вып. I. М., 1895.
4. *Савинова Е.Н.* Социальный феномен «купеческой усадьбы» // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 9. М., 2003.
5. *Головин П.А.* Бароны фон Штейнгель в истории России // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII – XX вв. Вып. 8. СПб., 2014.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 437.
7. *Латур А.* Москва. 1890–2000. Путеводитель по современной архитектуре. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.
8. Архитектура русского православного храма /под общ. ред. А.С. Щенкова. М., 2013.
9. *Кириченко Е.И.* Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М., 1997.
10. *Кириченко Е.* Илья Бондаренко (1870–1946) // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 8.
11. *Пастон Э.В.* Абрамцево. Искусство и жизнь. М., 2003.
12. Архитектурное наследие России. Федор Шехтель /авт. текстов Е.И. Кириченко. М, 2011.
13. *Соловьев А.В.* Новокубанск. Историко-краеведческий альбом. 1867–1997 /А.В. Соловьев, А.М. Паластров, А.М. Яковенко. Курганинск, 1999.
14. ГАКК. Ф. 449. Оп. 9. Д. 362.
15. Столица и усадьба. 1913. № 1.
16. *Сараскина Л.* Солженицын. М., 2009.
17. Городской сад // Новая заря. 1906. № 41.
18. *Луковской Г.* На пруду // Ново-Кубанский большевик. 1946. № 52 (580).
19. Пятилетний план совхоза имени Сталина // Ново-Кубанский большевик. 1946. № 42.

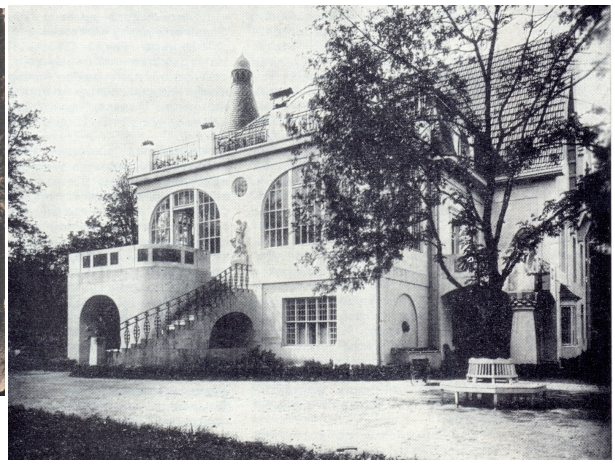
References:

1. *Ratushnyak V.N.* Kuban Khutorok // Ratushnyak V.N. Topical issues of history and historiography of North Caucasus Sb. st. Krasnodar, 2000.
2. *Kotov P.N.* Description of the Kuban landed estate named “Khutorok” of baron V.R. Steingel. M., 1900; [*Kotoff P.* Domaine de Khoutorok appartenant au baron W. R. Steingel: Caucase – province du Kouban. Moscou: Societe A.A. Lewenson, 1900]
3. *Leschenko I.V.* The landed estate named “Khutorok” of baron V.R. Steingel in Kuban Region // Writings of Imperial Moscow agriculture association. Issue. I. M. 1895.
4. *Savinova E.N.* Social phenomenon of “merchant’s manor” // Russian manor: Album of Association for studying of Russian manor]. Issue 9. M., 2003.
5. *Golovin P.A.* Barons von Steinheilin Russia’s history // Germans in St. Petersburg: Biographical aspect. XVIII – XX centuries. Issue 8. St.Pb., 2014.
6. National archives of Krasnodar region (GAKK). Fond No.R-60, Record statement No.1, File No.437.
7. *Latur A.* Moscow. 1890–2000. Contemporary architecture guide. 2th Edition, revised and corrected. M., 2007.

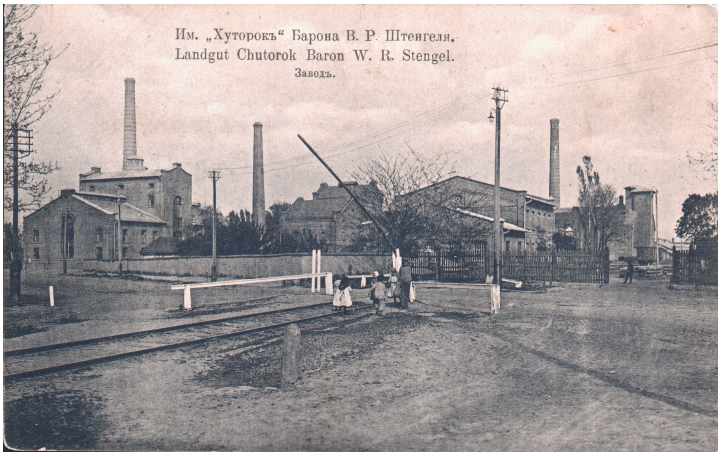
8. Architecture of Russian orthodox church / under the general editorship of A.S. Stchenkov. M., 2013.
9. *Kirichenko E.I.* Russian style. Searching expression of national identity. Nation and ethnicity. Traditions of Old Russian and folk art in the Russian art. XVIII – turn of XX centuries. M., 1997.
10. *Kirichenko E.* Ilia Bondarenko (1870-1946) // Moscow’s building and architecture. 1985. No.8.
11. *Paston E,V.* Abramtsevo. Art and life. M., 2003.
12. Architectural heritage of Russia. Feodor Shekhtel / Texts writer E.I. Kirichenko. M., 2011.
13. *Soloviev A.V.* Novokubansk. Local-history album. 1867–1997 / A.V. Soloviev, A.M. Palastrov, A.M. Yakovenko. Kurganinsk, 1999.
14. National archives of Krasnodar region, Fond No.449, Record statement No.9, File No.362
15. *Soloviev A.V.* Novokubansk. Local-history album. 1867-1997 / A.V. Soloviev, A.M. Palastrov, A.M. Yakovenko. Kurganinsk, 1999.
16. National archives of Krasnodar region, Fond No.449, Record statement No.9, File No.362
17. Capital city and manor. 1913. No.1.
18. *Saraskina L.* Solzhenitsin. M., 2009.
19. Public garden // Novaya Sarya. 1906. No.41.
20. *Lukovskoi G.* On a pond // Novo-Kubanskiy bolshevik. 1946. No.52 (580).
21. Five-year plan of Stalin sovkhoz // Novo-Kubanskiy bolshevik. 1946. No.42



Имение «Хуторок» барона В.Р. Штейнгель.
Вид на дом из парка.
Почтовая открытка начала XX века



Дом барона В.Р. Штейнгель в имении «Хуторок». Боковой фасад и кабинет.
1911–1913



Имение «Хуторок» барона В.Р. Штейнгель.
Винокуренный завод.
Почтовая открытка начала XX века